

Натали Якобсон

Новеллы ужасов

Сборник мистических
рассказов

Натали Якобсон

**Новеллы ужасов. Сборник
мистических рассказов**

«Издательские решения»

Якобсон Н.

Новеллы ужасов. Сборник мистических рассказов / Н. Якобсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905446-3

Истории о тайнах и призраках: «Кризис» — о девушке, которая нашла рукописи мертвого автора и вместе с ними присвоила себе проклятие погибшего. «Лесная топь» — о человеке, поддавшемся на уговоры злых фей. «Мозаика» — о юноше, который, собирая пазл, впускает в наш мир неземное существо. И другие рассказы о сверхъестественном.

ISBN 978-5-44-905446-3

© Якобсон Н.
© Издательские решения

Содержание

РЕНЕССАНС	6
КРИЗИС	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Новеллы ужасов

Сборник мистических рассказов

Натали Якобсон

© Натали Якобсон, 2020

ISBN 978-5-4490-5446-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЕНЕССАНС

Уродлива! Она бы отвернулась от зеркала и заплакала, если бы слезы не обжигали израненную кожу. Все проблемы в ее жизни возникли после того, как она осознала, что уродлива. В это трудно было поверить, сотни ее хорошеньких ровесниц и просто незнакомых девушек на улицах будто служили подтверждением того, что женщина должна быть прекрасна. Она бы тоже была прекрасна, если бы не эта ужасная сыпь с тринадцати лет ставшая покрывать все ее лицо и тело.

Анна давно отчаялась. Нарывы расцветали на ее коже, ужасные и отвратительные, будто гноящиеся алые бутоны. Если бы только хоть один врач мог понять, от чего они возникают. В чем может быть причина такого ужасного заболевания, которое, однако, не заразно и вовсе уж не вызвано аллергией или какими – то внутренними причинами.

Доктора замучили ее. Они терялись в догадках и, наверное, страдали уже не меньше, чем она сама, думая о том, как бы поскорее выставить ее к другому специалисту. Это было так удобно, просто сказать, что ее заболевание не по их линии, и таким образом сохранить собственный престиж, так и не разобравшись с больной. Таким образом, аллерголог направлял ее к дерматологу, тот к инфекционисту, и так далее, и все опять по кругу. Сотни ненужных анализов так остались сделанными в пустую, выписанные лекарства только обострили сыпь. Последний врач, к которому она пришла, внимательно изучив карту, явно тут же сообразил, что бессилён, но жажда сохранить свою репутацию не позволила ему хоть чем – то это показать. Он мог бы показаться беспечным, когда самым невинным тоном спросил:

– А почему вас это так удручает? Жить ведь можно продолжать в любом виде. Хм... Во всяком случае, я советую вам позагорать немного под солнцем, и, может быть, все пройдет само собой.

Бесполезно было повторять лишний раз, что она загорает под солнцем с самого детства, а сыпь ее от этого ничуть не уменьшается. Он просто не хотел ее слушать, черкнул что – то в карточке и дал понять, что прием окончен. И такой вот еще подлец, который ничего не сделал для того, чтобы помочь больной получить от государства деньги за ее визит в поликлинику. Интересно, как бы он сам запел, если бы ему все лицо разнесло больными вздутыми гнойниками.

Придя домой после очередной неудачи, Анна уже не сдерживала слез. В детстве она еще могла не плакать, но теперь уже нет. С каждым годом отчаяние возрастало. Теперь ей уже было двадцать пять, и сыть становилась все сильнее. Лицо, которое могло с возрастом стать таким же очаровательным, как у ее подруг, было похоже на один большой, покрытый коростой, красный шрам. А еще эти гнойники так болели, будто были чем – то сильно обожжены. Не удивительно, что люди подозрительно поглядывали на нее, когда она садилась в вагон метро или заходила в автобус. Но кроме физических мучений были еще и душевные. Последние даже причиняли больше боли. Ей ведь уже так много лет, а она до сих пор одна. Стоит ей только посмотреть на нежно обнимающуюся пару на улице, и сердце тут же настигает болезненный укол.

Это лицо, которое выглядело так, будто она попала в аварию испортило всю ее жизнь. Когда – то, когда высыпания еще не так обострились, парень, о котором она едва ли могла себе позволить даже мечтать, проявил однажды к ней интерес. Все кончилось слишком трагически и грубо. Конечно же, фурункулы на лице опять сыграли против нее. От быстрых реплик «я занят сегодня», «у меня дела завтра», «и через пару дней я с тобой встретиться тоже не смогу», ей было обидно до сих пор.

Только дома ощущение покоя понемногу возвращалось. В ее маленькой комнатке давно не было зеркал, но полки здесь были заставлены всеми самими красивыми предметами, которые она могла позволить себе купить. Это были дешевые вещицы, но смотреть на них всегда

было приятно. Красота, беспощадно отнятая болезнью у нее, повторялась в крошечных лицах маленьких фарфоровых куколок, одетых по старинной моде, в фигурках рождественских ангелов и настенных миниатюрах. Анна вставляла в рамки рисунки танцующих пар, и думала, что такой роскоши в ее жизни не будет никогда. Никто никогда не обнимет ее за талию, не закружит в танце, ее кожа никогда не станет такой гладкой, чтобы другому человеку было приятно прикоснуться к ней.

Последний раз, когда она вернулась домой с этими мыслями, в ее руках был сверток с очередной маленькой покупкой для своей коллекции. Она взяла ее прямо на улице у странного продавца, который не внушал доверия. Он окликнул ее в темном безлюдном сквере и предложил посмотреть на его единственный товар – небольших размеров фреску или икону, не важно, что это было, но красивое лицо архангела на ней так резко напомнило Анне об утраченной красоте, что она уже не могла оторвать от него взгляда. Теперь красивое изображение летящего ангела с золотыми локонами и роскошными крыльями стояло у нее на подоконнике, дополняя общее собрание редкостей. Станным казалось то, что это ослепительно белое создание, нарисованное на темной дощечке, будто парило над фоном мглы. Как вообще можно рисовать такую белую фигуру рядом с отталкивающей чернотой.

Ей было и не важно. Главное, можно смотреть на это изображение, и не важно, что для других девушек существуют зеркала. Анне в этой жизни было оставлено право любоваться только картинками, а не своим собственным отражением.

Когда она заснула в ту ночь, ей приснился необычный сон. Точнее, это был уже не первый такой сон. Но поняла она это только сейчас. Или вспомнила? Как можно было прожить столько лет и забыть, о том что подобные видения оказывается были с ней всегда. Перед ней будто раскрылся совсем другой мир.

Кованные из золота ворота сновидений распахнулись, приглашая ее вперед. И сон уже перестал быть сном. Чудовищных размеров фигура привратника склонилась перед ней в таком низком поклоне, что он стал казаться горбатым из – за согнувшей спины и... черных кожистых крыльев за ней.

– Проходи, госпожа, – пригласил он, сверкнув на нее абсолютно алыми глазами и протянув длинную, покрытую шерстью ладонь. Она робко положила свою руку поверх его когтей и с изумлением заметила, что кожа на ее ладони стала совершенно чистой.

Медленно ступив через ворота, она поняла, что за ней плавно скользит шлейф.

Зеркало! Есть ли здесь зеркало? Лихорадочно забилося у нее в голове, хотя и без лишних подтверждений Анна понимала, что кожа на ее спине и руках больше не болит. Та античная богиня, отражение которой она замечала в мелькающих по дороге витражах вряд ли могла быть ею. Но это была она. А странные провожатые, то и дело встречавшиеся на пути, вели ее дальше по анфиладам мрачных залов, мимо галерей и под темными дворцовыми сводами эпохи Ренессанса. Она видела все, как на картинках в энциклопедиях, относящихся к этому периоду, и знала, что это не первый уже такой сон. Но как она могла тогда все это забыть. Теперь сон был даже реальнее, чем ужасная, полная боли действительность. Перед ней протянулись залы множества мрачных дворцов, и вереница гостей, похожих на призраков, восхищенно за ней наблюдала, будто признавая, что теперь она прекраснее всех. Боль и обида остались в другом мире. Здесь все болезни отступили, а над ней стусился роскошный мрак приснившегося дворца.

А еще, здесь ее всегда ждал он. Она не знала, кто он такой. Только знала, что он тоже должен быть поразительно красив, под стать ей, такой, какой она становится, когда засыпает. Однако в ее снах это было чудовище.

Каким – то уголком сознания Анна понимала, что, когда они вместе, не может быть иначе. Кто – то один из них всегда должен быть обезображен. Но она помнила о том, каким он должен быть, когда его черные обожженные пальцы касались ее, уже белых и без сыпи. Он учил ее

танцевать в мрачной зале, когда множество безмолвных гостей смотрели на них из каждого уголка, и ей казалось, что они не танцуют, а летят.

Чем чаще ей снились эти сны, тем ближе он становился. Она могла трогать пальцами черный бархат его камзола, прикасаться к почерневшей коже, к обвисшим кожистым крыльям за его спиной. Она знала, что он должен быть очень красив, но в ее снах никогда не был.

Он ничего не говорил, только вел ее в танце. Лишь однажды, когда его кожистые крылья резко взмахнули, чуть не задев ее по плечам, она брезгливо отшатнулась, тогда он притянул ее к себе и шепнул на самое ухо:

– Раньше они были белыми.

– Когда? – нерешительно спросила Анна и впервые услышала его смех.

Она проспала. В тот день будильник впервые не смог разбудить ее. Она даже не слышала его противного позвякивания, только смех из сна, глухой и раскатистый, вмиг заполнивший собой всю мрачную залу.

С каждым таким сном голова все больше тяжелела. Уже вовсе не хотелось отрывать ее от подушки только для того, чтобы вернуться в тот мир, где она опять станет бояться зеркал и фотографий, потому что те неминуемо подтвердят ее уродство. Не хотелось снова возвращаться на работу в небольшую институтскую библиотеку, где коллеги почти не общались с ней, расценивая такую дурнушку, как существо низшего сорта. Им и в голову не приходило, что если бы не эта ужасная сыпь на ее коже, то Анна выглядела бы ничуть не хуже других, даже лучше, как показали ее сны. Если бы только не было этих гнойников, зудящих, как ожоги, то она могла бы чувствовать себя нормальным человеком.

– Тебя будто бы всю обожгли небесным огнем, как меня, – твердил ей все тот же голос из сна, хотя она уже проснулась. – Это еще хуже, чем когда с тебя живьем сдирают кожу и намного больше.

Так оно и было. Но еще хуже оказалось то, что Анна увидела перед собой. Все то же жуткое, покрытое пятнами лицо, будто в насмешку обрамленное длинными женскими волосами. Это было ее лицо, но теперь она смотрело на нее со стены из противоположной части комнаты. Зеркало! Кто – то повесил на стену зеркало, безжалостно сорвав картину, которая висела там до этого.

Анна подошла и накинула на него черный газовый шарф, чтобы не видеть свое отражение. Она помнила, что это старое зеркало в простой железной раме давно уже пылилось на антресолях, но теперь оно висело здесь, на месте картины, а самой картины в комнате не было. Изображавшая здание в стиле ренессанса, она была предметом гордости для скромного интерьерера. Вот бы снова повесить ее назад, убрав пресловутое зеркало. Но, даже обыскав весь дом, Анна не смогла ее найти.

Во снах все оставалось восхитительным. В сновидениях перед ней все так же расступались призрачные гости, позволяя ей пройти вперед по дворцам периода Ренессанса, все так же ждал ее он, но теперь его кожистые крылья все чаще вздрагивали, роняя на нее тень. И вмиг ее золотистая ослепительная красота, неизменно достававшаяся ей во сне, как будто оказывалась под угрозой.

Однажды он взмыл в высоту, увлекая ее за собой, но она больше не слышала ни его слов, ни его смеха. Когда он попытался утащить ее вверх, под купол мрачной залы, она вырывала руку до тех пор, пока не упала. Сон напугал ее лишь, когда она проснулась. Страх всегда приходил после пробуждения, а там, в мире грез, она ощущала ко всему странное безразличие. И теперь только, проснувшись, Анна подумала, что падение могло оказаться совсем другим, если бы он успел поднять ее гораздо выше, как и хотел. Что было бы, если бы он отпустил ее руку уже под самым куполом потолка, а не в метре от мерцающего пола, о который можно

было ощутить лишь болезненный толчок, но еще чуть выше, и результатом падения могла стать только смерть. Хотя все это и произошло во сне, но пугало не на шутку. А особенно настораживала беспечность ее партнера, он даже не подумал о том, что сам может взлететь, ведь у него крылья есть, хоть и потрепанные, а у нее нет. Или как раз об этом он и думал, пытаясь утянуть ее за собой в мрачную высоту?

Голова все еще горела от ощущения опасности так, как если бы все это произошло на самом деле. У Анны защипало в глазах от яркого света ламп библиотеки. Неужели она заснула прямо на своем рабочем месте, за маленьким столиком у книжных полок. Она огляделась в пустой библиотеке. Если бы кто – то пришел за книгами и заметил, что она спит, он ведь разбудил бы ее. Никто не мог застать ее спящей.

Она просидела так минуту, гадая о том, был ли хоть кто – то здесь, пока она спала. Привычный уют и спокойствие библиотеки почему – то подействовали на нее угнетающе. А потом кто – то вдруг положил книгу к ней на стол. Она заметила руки в темных перчатках прежде, чем перевела взгляд на самого человека. Это явно был не студент и не кто – то из института, и даже не с улиц города. Тогда уж, может быть, кто – то и вовсе не с этой планеты? Что ж, вполне возможно. Стоит и пофантазировать иногда. Во всяком случае, такого поразительно красивого лица Анна до сих пор никогда не видела. На незнакомце было черное пальто, и черная же шляпа чуть затеняла сияние небесно – голубых глаз. Светлые волосы спадали на плечи чуть влажными прядями. Наверное, на улице дождь. Может, он зашел сюда только, чтобы спрятаться на время от дождя, но тогда, каким же образом он миновал охранника, и почему она не слышит, как струи дождя барабанили по окну. Минуту она присматривалась к незнакомцу, будто пытаясь узнать в нем знакомые черты, черты того самого лица, которое должно было на самом деле быть у ее друга из снов. Но сейчас перед ней было совсем другое лицо. Она даже разочаровалась, пока не поняла, что молодой человек, кто бы он не был, смотрит на нее без неприязни, будто вовсе не замечает ее пораженной кожи. Казалось, он даже хотел улыбнуться своими бледными бескровными губами, но не посмел.

– Вы хотите взять эту книгу? – робко осведомилась она, когда молчание уж слишком затянулось.

– Нет, – теперь его губы почти улыбнулись, голос оказался мягким и приятным. – Я хочу, чтобы ее взяли вы.

– Разве на ней нет библиотечного штампа? – эта книга ведь была вовсе не предназначена в подарок, а снята с одного из стеллажей.

– Есть, – последовал такой же невозмутимый ответ. – И поэтому я не могу преподнести ее вам в подарок, но вам стоит просмотреть ее. Что – то прочесть...

Она только кивнула, не зная согласиться ей или возражать. Книга так и осталась лежать перед ней, когда посетитель уже ушел. Одна из энциклопедий, в которых содержались краткие справки об искусстве, религии и снах. Анна немного заинтересовалась. Она бы и взялась читать эту книгу, если бы в библиотеке вдруг не стало слишком душно.

В тот день она отпросилась с работы пораньше, объяснив это тем, что у нее болит голова. На самом деле, она задыхалась, будто бы библиотека в один миг превратилась в самое пыльное место, где нельзя было вздохнуть. А еще откуда – то, с верхних стеллажей, доносился шорох, будто кожистые крылья из сна до сих пор шуршат над ней, и черные пальцы с когтями царапают полки. Но кому она могла рассказать о своих божественных снах, и о страхе, который посещает ее после них?

Дождь, заморосивший на улице, еще больше обострил ее ощущение одиночества. Тот, кто был с ней во снах, никогда не окажется здесь, чтобы она увидела, наконец, его настоящее прекрасное лицо, которое за гранью сновидений всегда так обезображено. К тому же, это всего лишь сны. Им нет места в реальном мире, как и ей с ее уродливостью, поэтому сны стали для

нее так важны. Но какую – то связь с действительностью они все же имели. Она это знала. Знала, что здесь ее спутник из снов был бы уже совсем другим. Красивым, в то время, как она обезображена, и совсем, наоборот, в сновидении.

За витриной магазина, где уже выключили подсветку, были разложены какие – то товары, но Анну больше привлекло ее отражение в стекле. Там была не она и не та красавица, какой она становилась во сне, всего на миг в стекле отразился его черный камзол, побелевшие кисти рук и лицо, лишь частично обезображенное шрамами. Она могла бы узнать его, где угодно и в каком угодно облики. Это лицо. Она уже протянула руку, чтобы коснуться витрины, но отражение заколебалось и исчезло. Остались только какие – то шкатулки и коробочки, разложенные на мягком бархате за стеклом.

Война в небесах. Анна читала, хотя ее глаза закрывались от желания спать. Впервые за долгое время она не спешила погрузиться в сон и найти в нем успокоение. «Красота Денницы. Восставший архангел потерпел поражение, но то, как прекрасен он был, не забыл никто. А потом его лица коснулся небесный огонь и меч другого архангела, Михаила». Должно быть, он на моей иконе, подумала Анна, уже почти погружаясь в сон. Колеблющиеся изображения залов в стиле Ренессанса уже возникали у нее перед глазами, но чьи – то руки пытались вырвать ее из царства сна, чьи – то пальцы настойчиво касались ее щек, слишком тонкие и длинные пальцы для того, чтобы назвать их человеческими. Но они были из плоти и крови, от них исходил холод и запах дождя, и это ощущение на миг сделалось сильнее, чем бесконечная череда мрачных дворцов и непривычно громко гомонящих гостей. Анна очнулась с чувством того, что ее прежний друг злобно оттолкнул ее, а рядом стоял уже кто – то другой, тот, кто удержал ее на грани сна и реальности.

– Нет, не смотри на меня, – прошептала она, заметив рядом того самого незнакомца из библиотеки. Она даже не задавалась вопросом, как он мог оказаться в ее комнате, она только закрыла руками лицо, ощущая саднящие ранки на нем. Только что во сне она была прекрасна, а теперь боль вернулась. Но почему – то она не могла обвинить его в том, что он разбудил ее.

Его присутствие было абсолютно неслышным, ни шороха одежды, ни звука движений, даже страницы не зашелестели, когда он взял из ее рук раскрытую книгу и положил ее на стол. А потом снова развернулся к ней, так быстро, словно боялся, что она бросит взгляд на его спину.

– Ты хочешь избавиться от него?

Наверняка, он имел в виду того, кто был с ней во снах.

– Может быть, но... – Анна смутилась, а эти руки уже снова касались нарывов на ее лице. Почему, хотелось спросить ей, за что меня будто обожгли, как его. Но вместо этого она сбивчиво произнесла:

– Мне бывает хорошо лишь во снах.

– Неужели ты не понимаешь, – его голос тоже звучал, будто доносясь из сна, только тон не был навязчивым и злым. – Я скажу тебе только один раз, и уже тем нарушу свой обет молчания. Тогда, после падения, его красота была отнята, теперь то самое прекрасное лицо, что было когда – то ангельским, досталось тебе, но он так сокрушается о потерянном, что хочет вернуть это себе. Вот почему он так стремится обезобразить тебя. То, что теперь принадлежит тебе, когда – то было его. Дьявол прекрасен за твой счет, моя дорогая. Это тоже несправедливо, как и то, что я тебе предложу. Откажись от него во снах, и я верну тебе то, что по праву теперь твое. Отвергни его сегодня, и на утро ты проснешься счастливой.

Бескровные губы шептали, почти прикасаясь к ее, а потом последовал быстрый поцелуй. Анна помнила прикосновение благоухающих, почти нечеловеческих губ, когда шла по анфиладам всех тех же мрачных залов.

– Оставь ему его Ренессанс. Стань отдельной частью от него, и тогда твоя жизнь начнется и станет самостоятельной, – твердил ей нежный голос незнакомца, хотя сам он остался в реальности. Анна снова была во сне, но теперь она уходила, почти бежала по длинным галереям, уворачиваясь от рук гостей, которые пытались задержать ее. Когда она найдет выход, красота тоже может исчезнуть, как и длинный шлейф необычного платья, который скользил за ней по полу, будто змея. Драгоценности впивались ей в кожу. Шелк одежды, казалось, обжигал. Она знала, что перед выходом ее непременно будет ждать он, но, когда знакомые руки потянулись к ней, она отпрянула...

Как ты прекрасна! Анна надолго задержала свой взгляд на собственном отражении в зеркальной витрине ювелирной лавки. Теперь она была счастлива. Как немного ей нужно было, чтобы ощутить себя по – настоящему счастливой. Всего – то, чтобы прошла сыпь, напоминавшая один большой ожог на ее теле. И теперь прохожие провожали ее восхищенными взглядами. Она знала, что больше никогда не позавидует никому, потому что не найдет в мире создания прекраснее ее.

Она все еще вспоминала о своем последнем сне, о том, как ей пришлось драться. О, да, она дралась с ним, и, когда кожистые крылья, взмахнув, чуть было не сомкнулись над ней, она изо всех сил ударила его в грудь рукой, ощутив как ее пальцы проходят насквозь под кости в обожженное черное месиво.

Теперь ей больше не нужны были сны. Реальность оказалась куда радужнее, когда боль прошла. Еще миг, и она бы запела от счастья, если б вдруг не увидела, что на ее дороге далеко впереди путь преградила толпа.

– Там произошел несчастный случай, – шептались люди.

– Погиб? Такой молодой... – долетали до нее обрывки фраз.

Анна стала пробиваться вперед, сама не зная, зачем ей так нужно посмотреть. Но изуродованное тело на асфальте вовсе не напомнило ей о ее снах. Это не был он, и как это ни странно, но в гуще всеобщей суматохи она могла бы облегченно перевести дух, если бы тело вдруг не перевернули на спину, так что можно было рассмотреть лицо. Тот самый парень, который когда ее отшил. У Анны перехватило дыхание.

Пытаясь побороть нехорошее предчувствие, она выбралась из толпы и пошла совсем не в том направлении, в котором намеревалась. Незнакомец в плаще больше не возникал у нее на пути, чтобы помочь. Его подсказки были уже и не нужны. Анна старалась не заглядывать в витрины и отражающие предметы, чтобы не увидеть того, как на ее облик наслаивается тот, некто из снов, которого ей теперь было страшно назвать, и голос его шепчет:

– Недостаточно отвернуться от своей второй половины, чтобы уничтожить ее. Я часть тебя. И теперь уже не во снах. Любой, кто обидит тебя, в моей власти, потому что ты половина меня. Разве можешь ты от меня избавиться? Я здесь, с тобой, сейчас... Навсегда.

КРИЗИС

Лучше бы он никогда не находил эти рукописи. Если бы только какая – то сила в тот день не завладела его руками, заставляя залезть в старые, никому ненужные вещи, оставшиеся от прежних владельцев. Тогда бы Корина осталась жива.

Но это уже случилось. Объемные папки, перевязанные черными лентами, уже лежали в его руках, и он доставал из ящиков все новые. Корина, без особого энтузиазма осматривавшая еще одно свое новое жилье, должна была бы возмутиться, заметив, что по недосмотру здесь оставили старый хлам, но при виде пыльных старомодных папок в ее взгляде вдруг блеснуло восхищение.

– Что там внутри?

– Не знаю. Это осталось от прежних владельцев. Ну, ты понимаешь... – он смутился.

Корина только сдержанно кивнула, будто могла все понять и простить, даже то, что прощать на самом деле нужно было ее отцу, а не другим. Тем, кто стали случайными жертвами, и о том – то, что они жертвы, естественно никто никогда не узнает. Кто может заподозрить в чем – то важное лицо или даже из соображений собственной безопасности не сделать вид, что ничего не заметил, если уж что – то произошло, хоть прямо у него на глазах. Очевидно, бывшие владельцы этой уютной квартиры как раз были теми, кто не смог сделать вида, что они ни при чем, и поэтому их теперь не было. А все, что принадлежало им, досталось теперь дочери того, кто был слишком значимой фигурой, чтобы быть признанным хоть в чем – то виноватым.

Могла ли сама Корина знать всю подноготную этого дела, ее друг не подозревал. Если она что – то и знала, то делала вид, что это ей безразлично. Уже не в первый раз Александр, смотря на нее удивился, как у такого корыстного чудовища, как ее отец, могла родиться такая красавица дочь. Ее стройная фигура, золотые локоны и ангельское лицо неизменно вызывали у всех восхищение. Часто Александр удивлялся, почему ее влиятельный отец, если уж он может убрать со своей дороги всех возражающих, не купит дочери карьеру супермодели или кинозвезды. Может, только потому, что шоу-бизнес это уже слишком проторенная тропа, и ценность ее звезд от количества таковых становится все ниже. Во всяком случае, Корине не было суждено остаться в безызвестности. Какой – то путь все равно будет найдет, рано или поздно, а деньги и влияние ее отца довершать остальное. И вряд ли, когда его собственное дитя будет наслаждаться лаврами, доставшимися ей за счет других, ее настигнет хоть какое – то возмездие за то, как поступил ее отец с людьми, которые раньше жили здесь. Александр должен был чувствовать скорбь о них, находясь здесь сейчас, где возможно еще витали их души, но ощущал только тяжесть множества страниц, спрессованных под папками, и удивительный запах пыли и краски, исходивший от них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.